

дали и франки, водворились без всякого соглашения. Но в действительности как те, так и другие одинаково овладевали именьями и вытесняли прежних господ. Вместе с разорением прежних землевладельцев пришли в упадок и города, где они проживали большую часть года, разорились служившие им поставщики товаров, художники, ремесленники, врачи, адвокаты. У самих варваров не было никакого интереса к городской жизни; они остались в деревнях, продолжали ходить в своих овчинах; только те, кто был побогаче, выкрашивали тулуп в пурпуровый цвет.

Весьма равнодушно отнеслись к перемене владельцев колонны, крепостные крестьяне, работавшие на господской земле; скорее они были даже рады приходу варваров, так как он их избавлял от всех тягостей римского управления, от дорожной, подводной и других повинностей, от доставки припасов в армию и уплаты налогов на содержание войска. Наконец клир (духовенство) вовсе не приходил в уныние от водворения германцев. Правда, варвары местами сильно пограбили ризницы и церкви, но зато епископы утешались прибавлением новой многочисленной паствы, в которой они надеялись найти людей простых, со свежими чувствами, более доступных проповеди, чем утонченное, избалованное римское общество.

Церковные споры восточной империи. «Новый Рим», спокойный в своем безопасном положении, с поразительным равнодушием относился к судьбе своего старшего собрата. В то время как Стилихон выбивался из сил в борьбе с варварами, громившими Италию, константинопольский двор утопал в роскоши и удовольствиях; столичное духовенство вело жизнь светскую и развращенную; церковь забыла свою первоначальную заботу о неимущих и угнетенных, в полном небрежении находилась участь многочисленной городской бедноты.

Впечатления несправедливости и греха заставили людей идеального склада мысли искать в монашестве спасения своей душевной и телесной чистоты. В своем рвении многие из них впадали в противоположную крайность, отдаваясь изнурительным постам и жестоким самоистязаниям. Возвращаясь в города, эти подвижники встречали глубокое сочувствие народных масс тем более, что они поднимали голос против роскоши, против жадности священников, призывали богатых к покаянию, напоминали им о великом долге в отношении обездоленных. Речи эти внушали немалые опасения высшим классам и самому императорскому двору, который чувствовал себя задетым обличениями проповедников. Но, с другой стороны, нельзя было и преследовать отшельников, столь же строгих к другим, как и к самим себе: в этот век религиозной ревности императоры не раз объявляли, что «государство держится не столько внешними средствами, сколько молитвами и подвигами святых людей.»

В 397 г. архиепископом константинопольским сделался один из таких ревнителей—антиохийский священник Иоанн. Ученик зна-